

Реалистическая феноменология гарантийного государства Н. Н. Алексеева

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность в представленной статье темы обусловлена необходимостью переосмысления феномена государства как правовой формы социального объединения на началах истины – правды, выступающей фактором развития личности. Проводится анализ взглядов Н. Н. Алексеева на государственно-правовую действительность с позиций реалистической феноменологии. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что Н. Н. Алексеев выступает в отечественном правоведении как основоположник отдельного научного направления – реалистической феноменологии государства и права.

Ключевые слова: евразийство, феноменология права, гарантийное государство, истина, правообязанность.

Для цитирования: Архипов С. В. Реалистическая феноменология гарантийного государства Н. Н. Алексеева // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 8–29. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8. EDN: WUOFGX

Original article
UDC 340
EDN: WUOFGX
DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8

Realistic Phenomenology of the Guaranteeing State by N. N. Alekseev

Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the presented article is due to the need to rethink the phenomenon of the state as a legal form of social association based on the principles of truth, which is a factor in the development of personality. The article analyzes N. N. Alekseev's views on state-legal reality from the standpoint of realistic phenomenology. The conducted research allows the author to conclude that N. N. Alekseev acts in Russian jurisprudence as the founder of a separate scientific field – the realistic phenomenology of the state and law.

Key words: Eurasianism, the phenomenology of law, the guaranteeing state, truth, legal obligation.

For citation: Arkhipov, S. V. (2025) Realisticheskaya fenomenologiya garantiinogo gosudarstva N. N. Alekseeva [Realistic Phenomenology of the Guaranteeing State by N. N. Alekseev]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 8–29. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_8. EDN: WUOFGX

Введение

Стремление выдающегося русского правоведа Н. Н. Алексеева (1879–1964) создать концепцию, органически соединяющую правовое и государственное начала в единый духовно-социальный феномен, далеко не всеми исследователями научного творчества учёного оценено по достоинству. Гораздо чаще можно встретить описание права и государства Н. Н. Алексеева как две полностью самостоятельные законченные концепции. Такая интерпретация единого учения обусловлена тем, что сам Н. Н. Алексеев представил феноменологию права и теорию гарантийного государства в отдельных работах, зачастую детально не анализируя взаимосвязь истины права и возникающего на основе этой истины гарантийного государства. Как представляется, такая взаимосвязь прослеживается через единство методологического подхода, используемого русским учёным. Однако, если для права Н. Н. Алексеев подробно разбирает свой методологический подход в работе «Основы философии права», в теории государства эта часть отсутствует, хотя и подразумевается. Описание методологии государства в ранней работе учёного «Очерки по общей теории государства» в основном основывается на критике существующих подходов. Вывод учёного сводится к необходимости формирования плюралистического метода, описывающего различные аспекты государственности [2, с. 21]. Но это еще не сам феноменологический метод, который будет разработан Н. Н. Алексеевым уже в эмиграции.

Задачей настоящего исследования является попытка реконструировать методологическую взаимосвязь права и государства в концепции Н. Н. Алексеева, определить основные положения идеи гарантийного государства как альтернативного проекта концепции правового государства.

Евразийские истоки концепции государства Н. Н. Алексеева

В своих работах о государстве Н. Н. Алексеев не делает акцент на методологии исследования, переходя непосредственно к выводам о государственно-правовой действительности. По-видимому, это связано с тем обстоятельством, что в работах о государстве он выступает как парламентарий евразийского движения в целом, основные положения которых разделялись представителями старшего поколения евразийства (П. Н. Савицким, Н. С. Трубецким, Г. В. Флоровским, Л. П. Карсавиным, П. П. Сувчинским и др.) В то же время за скобками своего исследования ученый оставил оригинальную методологию – реалистическую феноменологию, признаваемую не всеми евразийцами.

По мнению политолога А. Дугина, наиболее значимыми фигурами евразийского движения можно назвать «культурно-политико-правовой триумвират: Трубецкой – Савицкий – Алексеев» [10, с. 5]. Однако размытость содержания евразийского проекта, его доктринальная неоформленность привели к тому, что в конце 30-х гг. XX в. в этом движении русских эмигрантских кругов присутствовали представители самых разных идейных направлений, начиная от мыслителей, положительно воспринимающих Советское государство, и заканчивая сторонниками нацистской идеологии. Все это закономерно приводит к окончанию евразийского движения в среде русских эмигрантов. Под евразийством начинает пониматься культурный проект 20–30-х гг. самого широкого содержания.

Создавая теорию государства, Н. Н. Алексеев пытался выразить общий для ранних евразийцев проект государства, идея формирования которого определила бы контуры евразийского движения. Цель не была достигнута в силу названных выше причин: отсутствие идейного

единства между представителями разных поколений евразийских мыслителей.

Однако основные концепции евразийских мыслителей не были забыты, они нашли свое выражение в творчестве Н. Н. Алексеева. Так, идеи Н. С. Трубецкого о самобытности евразийско-русской культуры, а исторические события в России XX в., понимаемые им как стихийный протест национальной культуры против западного построения общества [18, с. 313–315], находят своё продолжение в размышлениях Н. Н. Алексеева. Для Алексеева русская революция и антирелигиозная политика Советского государства есть не что иное, как болезнь русского общества. Учение о классовой борьбе и классовом угнетении разрушительно для общества, его институтов, социальных ценностей [3, с. 283]. Как пишет Н. Н. Алексеев, только новая общественная идеология способна исцелить Россию, «когда те, которые играют в комсомол, отряхнут с ног своих последний коммунистический прах и заживут верою в новую правду... когда русский организм найдёт в себе живые силы для исцеления» [3, с. 290]. В этом случае не старые формы политической организации общества должны прийти на смену советскому строю, но новое государство как производное новой идеологии и общественных идеалов. «Надлежит за точку отправления взять не западную демократию, и не самодержавие, и не прошлые тени дуалистической монархии, – подчёркивает Н. Н. Алексеев, – за точку отправления нужно взять современный русский государственный организм, тщательно изучить, посмотреть, что в нём действительно никуда негодно и в чём чувствуется дыхание жизни» [3, с. 290].

Для Н. Н. Алексеева властвование как наиболее значимое проявление государственности, имеет не только рациональную, но и иррациональную природу. Поэтому «отправной точкой», о которой пишет Н. Н. Алексеев, явля-

ется иррациональное проявление властвования государственного начала. Как отмечает Н. Н. Алексеев, «властные отношения по природе своей всегда иррациональны, в них присутствует элемент гипнотический, им не чужды состояния магической очарованности, особого обаяния, поклонения и восторга» [3, с. 377]. Задолго до русского мыслителя к этому выводу пришёл такой последовательный рационалист, как Томас Гоббс. В теории Т. Гоббса государство предстает, с одной стороны, библейским чудовищем – Левиафаном, мистически довлеющим над человеком, с другой стороны, общественным человеком – единым социальным организмом. Подобно тому, как законы у Гоббса разделяются на естественные (гражданские) и государственные, государство для английского философа имеет две иррациональные составляющие: деспотическую, представленную образом Левиафана, и солидаристскую, объединяющие людей в метафорического общественного человека [9, с. 144–162].

Создавая проект евразийского государства, Н. Н. Алексеев опирался на единую для всех евразийцев идею органистической природы государственного начала. Государство, по Н. Н. Алексееву, имеет дело с личностями как выразителями духовного целого народа, а не с атомарными учредителями общественного договора [10, с. 18]. Через осмысление иррационального духовного единства общества происходит, по мысли Н. Н. Алексеева, формирование в общественном сознании идеи государства, которое правовед называет гарантийным. Однако для Алексеева такое единство основано на переживании (признании) социальных ценностей, внешне выраженное в осознании своих правообязанностей субъектами права. Наличие такой структуры в общественном сознании и социальной действительности Н. Н. Алексеев отождествляет с правом.

Под универсальными общественными ценностями учёный понимает такой «род "идеальных объектов", между которыми наблюдаются особые научно-познаваемые отношения и связи, особый, независимый от опыта априорный порядок» [1, с. 96]. Недостаточность такого определения природы ценностей понимается и самим правоведом. Но для Н. Н. Алексеева ценности и не могут быть полностью определены рационально. «Истинное обоснование ценностей, – пишет Н. Н. Алексеев, – может дать только то метафизическое и религиозное мирозерцание, которое примирит между собой имманентизм и трансцендентализм» [1, с. 107].

Согласно Н. Н. Алексееву, внутреннее признание субъектами права ценностей порождает в сознании индивидов рациональные определения права, основным из которых является определение *правообязанности*. Правовед в большей степени делает акцент на обязанности индивида к социальному целому, чем на праве. Можно сказать, что указание на права индивидов – в определённой мере уступка учёного традиционному восприятию феномена права. Характеризуя западные государства, Алексеев пишет, что идейно эти государства построены на абсолютизации прав индивида, что, с позиций учёного, является тупиковой линией общественного развития. «Люди договариваются о власти, – пишет он, – учреждают государство, как торговую компанию... Условие не соблюдено, компания прекращается... люди осуществляют свое "право на восстание" Так – в государственной жизни» [3, с. 161–162]. В частной жизни абсолютизация прав индивида сводится к принципу: «каждый владеет своим и не трогает чужого». Другой может умереть от голода, но не может посягать на право собственности, на права иных собственников-потребителей благ [3, с. 162]. Социально-правовые обязанности в частной

жизни, за исключением одной, являются *условными* обязанностями, т. е. основаны на свободном добровольном соглашении. Если же соглашения нет, то в правовом отношении никто никому ничем не обязан. Безусловная обязанность, по мысли Н. Н. Алексеева, только одна: «не посягай на чужое». Иными словами, содержание единственной безусловной обязанности носит чисто отрицательный характер, не имеет положительной цели для общества [3, с. 162]. Такая единственная безусловная обязанность не способна в общественном сознании уравновесить индивидуальные права. По этой причине, как справедливо указывает Н. Н. Алексеев, «западная жизнь породила великий собственнический эгоизм среднего обывателя, вытекающее из культа собственности вещепоклонство, формализм в представлениях о своих обязанностях, интересующийся только "внешней правдой" человеческих отношений, а не "правдой внутренней", не их нравственным содержанием» [3, с. 162].

Евразийский подход к обществу и государственно-правовой реальности основывался на восприятии личности, находящейся в органическом единстве с социальным целым. Так, один из лидеров раннего евразийства П. Н. Савицкий противопоставлял старое атомистическое мирозерцание новому понятию личности «как живого и органического единства многообразия...» [15, с. 21]. «Личность, – писал мыслитель, – такое единство множества (ее состояний, проявлений и т. д.), что её единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют» [15, с. 21]. В основе такого понимания личности можно увидеть идею соборности в размышлениях славянофилов, идею богочеловечества В. С. Соловьева, применительно к построению национального государства. Неслучайно славянофилов часто называют предшественниками евразийского движения. П. Н. Савицкий вводит

понятие «симфоническая личность», отличное от понятия индивидуальной личности. Согласно П. Н. Савицкому, «симфоническая личность не пространство и среда, содержащие в себе, как вода рыб, индивидуальные личности, но сами они в их единстве» [15, с. 21–22]. Для Савицкого учение о личности выступает первейшей предпосылкой понимания евразийской идеологии [15, с. 22].

Разделяя в целом подобный подход, Н. Н. Алексеев указывает на необходимость «отрешиться от славянофильского взгляда на право, как только на внешнюю правду». «Право, – пишет учёный, – есть та область духовно-нравственной жизни человека, которая имеет дело с тем, что человек "свободно может" и к чему он насильственно не принужден... "Внутренней правде" далеко не всегда подобает остаться без внешнего обнаружения – обычной же формой этого последнего является торжественный акт провозглашения государственной воли в виде государственного закона» [3, с. 604–605]. Таким образом, право представляет собой признание универсальных общественных ценностей, выраженное в осознании безусловных обязанностей личности по отношению к целому – государству и обществу. Обязанности (правообязанности) индивидуальной личности направлены на сохранение и развитие социального целого как государственно-объединяющее единство множества личностей, или, в терминологии П. Н. Савицкого, симфонической личности как органического единства государственной формы политического объединения и нравственно-правовых личностей конкретной нации.

Однако такая взаимосвязь права, как «внутренней правды» и гарантийного государства, где под гарантиями понимается возможность внешнего воплощения внутренней правды, должна быть обоснована методологически. Иными словами, должна быть предложена такая

методология исследования государства и права, которая позволяет рассматривать эти два феномена как единую государственно-правовую систему, логически (как понятие) и онтологически (как явление) обосновывающую единство государственного и правового начал. Такая методология была разработана Н. Н. Алексеевым в рамках феноменологической философии.

Феноменологический метод познания государственно-правовой системы

Принято считать, что современная теория государства и права пытается осмыслить государственно-правовые явления с позиций наивысшего уровня научной абстракции. В этом видится одно из основных отличий предмета познания этой науки от иных юридических наук. На деле в большинстве случаев научная теория не достигает заявленного уровня, последовательно исследуя отдельные элементы (или подэлементы) государственно-правовой системы – государство, типологию правопонимания, позитивное право, гражданское общество, правосознание и правовую культуру. Более высокий уровень научной абстракции – государственно-правовая система как социокультурное целое – не является центром предмета указанной науки. Причина этого видится в тех методологических подходах, которых придерживается исследователь. В этом отношении основанная на феноменологической философии методология Н. Н. Алексеева выгодно отличается от иных попыток осмысления государственно-правовой реальности. Феноменологический подход позволяет исследовать как целое – государственно-правовую систему, так и отдельные элементы этого целого – государство и право. Это достигается путём сочетания в описании единой государственно-правовой системы рациональных и иррациональных элементов.

Полностью рациональное описание элементов системы неспособно привести к синтезу комплексного знания о личности, обществе, государстве и праве, поскольку человек по природе своей имманентен как социальный субъект и трансцендентен как духовная личность. «Эпоха науки, – писал Н. С. Трубецкой, – снова сменяется "эпохой веры" – не в смысле уничтожения науки, но в смысле признания бессилия и кощунственности попыток разрешить научными средствами основные, конечные проблемы существования» [18, с. 315].

Очевидно, что новый подход к структурированию научного знания возможен только в рамках неклассической (постнеклассической) науки, признающей невозможность эмпирического обоснования всех положений теории.

Возникшая в XX в. феноменологическая философия первоначально была заявлена её основоположником Эдмундом Гуссерлем как метод объективного познания, направленный на преодоление релятивизма и скептицизма в науке, обусловленных методологическими проблемами позитивизма. Возможность получения объективного знания обосновывалась путём признания, что сознание индивида способно конструировать феномены объективной реальности, в которых выражается наиболее существенная для человека часть реальности. Любой индивид, находящийся в мире феноменов своего сознания, способен постигать сущность вещей через усмотрение «чистого» феномена своего сознания. Для этого предполагалось освободиться от психологических привнесений в феномен индивида путём смены «естественной установки» восприятия мира как мира независимых от сознания объектов (что является только «кажимостью») к трансцендентальной установке восприятия всей действительности как действительности феноменов сознания индивида [7, с. 355–389].

В XX в. феноменологическая философия и методология сформировала три относительно самостоятельных направления. Первое направление – трансцендентальная феноменология – в философии развивалось самим Э. Гуссерлем. Характерная черта этого направления – утверждение, что вся доступная для познания и восприятия действительность это действительность феноменов собственного сознания индивидов. Относительная объективность содержания конструируемого сознанием феноменов позволяет субъектам взаимодействовать друг с другом в рамках «интерсубъективного» пространства, т. е. действительности, конструируемой множеством сознаний. Как пишет философ Я. А. Слинин, интерсубъективный мир существует пока существуют воспринимающие сознания: «для объектов интерсубъективного мира... справедлива максима: нет объекта без субъекта» [16, с. 66–67]. Отличия в восприятии явлений обусловлены не «чистыми» феноменами, а привнесениями индивидуальной психики. В юриспруденции это направление представлено концепцией сына основоположника феноменологии Г. Гуссерлем [17, с. 107–134].

Другое направление феноменологии – социальная феноменология – сформировалось во второй половине XX в. (А. Щютц, П. Бергер, Т. Лукман). Сторонники этого подхода предлагают характеризовать феноменологическую действительность с позиций «естественной установки». Все психологические привнесения понимаются как проявления внешней стороны сознания, а в рамках общества характеризуют общественное сознание и национальную культуру. Мир «светится» смыслом, который задаёт «естественная установка».

В отечественном правоведении это направление представлено коммуникативной теорией права А. В. Полякова [13, с. 7–170]. Своими работами в области феноменологии права Н. Н. Алексеев внёс существенный вклад в раз-

вите третьего направления феноменологии – реалистической феноменологии (Д. Гильдебранд, Э. Штайн, А. Пфендер, А. Райнах). Отличительная черта этого направления – описание действительности как сочетание реальности феноменов сознания индивида и объективной нефеноменологической реальности, не обусловленной сознанием индивида. Главная методологическая установка этого направления феноменологии: в мире в идеальной форме присутствуют вещи, не являющиеся результатом конструирования сознания. С других методологических позиций об этой реальности утверждали представители евразийского движения. Так, Г. В. Флоровский пишет, что «единственная реальность и права, и национальности в "переживании"; – не то, что они "отражаются" в сознании, а именно только как духовные или идеальные... entitates¹ и "суть"..."» [19, с. 129].

Для Н. Н. Алексеева такой реальностью является ценность. На онтологический характер ценностей указывал феноменолог Д. фон Гильдебранд [8, с. 709]. Именно обеспечение в государстве возможности реализации этих ценностей, представленных «положительными социальными принципами», позволяет Н. Н. Алексееву называть такое государство гарантийным. В отличие от западных государств, ориентированных на построение правового государства (в терминологии Алексеева – «доктринальное государство») на принципах «внешней правды», гарантийное государство устремлено к «правде внутренней», содержание которой определяется иррациональными ценностями, рассчитанное «на всеобщее признание со стороны людей весьма различных философских, научных и религиозных убеждений» [3, с. 373].

Австрийский философ и социолог К. Поппер предложил различать три теории истины: 1) теория соответствия:

¹ Entitates – сущности.

истина в смысле соответствия фактам, или действительности [14, с. 65, 292]; 2) теория внутренней согласованности, или когерентности: истинно то, что согласуется с остальной частью нашего знания; 3) истина определяется прагматической пригодностью или прагматической полезностью [14, с. 292]. Как представляется, рассуждения Н. Н. Алексеева о внутренней и внешней правде близки к восприятию истины в теориях, называемых К. Поппером. «Внутренняя правда» созвучна первой теории – истины, соответствующей действительности. Такая истина-правда выступает как нефеноменологическая реальность идеального объекта, природа которого не зависит от сознания индивидов. Как полностью рационально познаваемая действительность истина-правда воплощается в индивидуальном сознании через акт признания, конкретизирующийся в осознании обязанности индивида перед обществом и государством. При этом, как уже было сказано выше, интерпретация этих обязанностей зависит от «различных философских, научных и религиозных убеждений». Такой подход к построению государства допускает широкое идеологическое многообразие при условии интенции на истину-правду.

Другие два подхода к истине характерны для построения государства доктринального типа (правового государства). Концепции государства предполагают различие континентальной теории правового государства («*Rechtsstaat*») и англо-саксонской концепции господства права («*The Rule of Law*»). Как указывает И. Ю. Козлихин, для обеих концепций характерна идея «рационализации общественной жизни посредством разумного закона», дополненная идеей индивидуальных прав личности и ограниченного государства [12, с. 7]. Это и есть та «внешняя правда», о которой пишет Н. Н. Алексеев. Как представляется, «истина внутренней согласованности» в концепциях

правового государства представляет собой ориентацию на внешние признаки государственного и общественного устройства как условия формирования личности. К таким признакам относятся: признание индивидуальных прав и свобод, наличие конституции, реализация принципа разделения властей, независимость суда, развитое гражданское общество и т. п. Внешние признаки приобретают характер навязываемой идеологии. Как пишет Н. Н. Алексеев, «принуждение к такому исповеданию внешними, государственными средствами ведет всегда к чисто отрицательным результатам... создаёт мёртвую казённую идеологию, которую люди проповедуют из-под палки, в душе своей в неё не веря и её ненавидя» [3, с. 373].

Третья теория истины предполагает ориентацию на пользу, которая возникает при отстаивании государством своих интересов. В основе такого подхода лежит философия прагматизма (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи). В этом случае истина как прагматическая польза противостоит истине-правде. Доктринальные государства (под которыми Алексеев понимает западные государства) выбрали истину-пользу. Этот выбор имеет религиозные причины, поскольку, как считает Н. Н. Алексеев, построение западных государств осуществляется по ветхозаветной модели [20, с. 334–335]. В этой связи примечательна точка зрения социолога А. А. Зиновьева, который писал в своей работе «Запад» (1996), что капитализм, понимаемый как открытый рынок и свободная конкуренция, и демократия не выражают сущность западных государств [11, с. 20]. Эти явления, по мнению А. А. Зиновьева, существуют пока у западных государств есть конкурентное преимущество. Как только оно будет утрачено, Запад откажется от свободного рынка и демократии.

Возможен ли при таких подходах «аксиологический компромисс» между западными и восточными идеала-

ми, как об этом пишет М. А. Гусарова, характеризуя концепцию Н. Н. Алексеева? [6, с. 100] Как представляется, сама концепция Н. Н. Алексеева не предполагает промежуточное состояние ценностей – невозможно ограничится полуправдой при построении гарантийного государства. Стоит согласиться с позицией В. В. Багана: государственный проект Н. Н. Алексеева – последовательное антизападничество [5, с. 40].

Таким образом, методология реалистической феноменологии позволяет увидеть принципиальную разницу между гарантийным государством, ориентированным на внутреннюю правду объективной нефеноменологической реальности, и государством внешней правды, где общественное мнение определяет успешность социальной эволюции. С точки зрения Н. Н. Алексеева, внешняя правда общественного мнения должна быть производной от внутренней правды: «перевод» исповедания из сферы чисто личной, интимной и духовной в область» общественного признания» является «внешней правдой» или установленным, позитивным правом [3, с. 374] Такой внешней правдой видится проект православного государства Н. Н. Алексеева [4, с. 41–42]. Однако православное государство может существовать лишь тогда, когда оно опирается на «внутреннюю правду». И напротив, опора государственного и общественного устройства исключительно на общественное мнение создаёт идеологическое принуждение как условия для разрушения личности: «приучает людей лгать, вызывает массовое лицемерие, превращает людей в носителей каких-то масок и создаёт глубоко подпольную психологию...» [3, с. 373]

Декларация обязанностей государства

Поскольку сущность гарантийного государства определяется его связью с правом, выраженным через структуру

«ценности – субъект – правообязанности», то в государстве как форме объединения людей находят своё выражение ценности через декларируемые обязанности. Таким образом, все три элемента правовой структуры характеризуют гарантийное государство, где гарантии суть обязанности по выражению ценностей. Поскольку ценности относятся к иррациональному элементу структуры права, возможно ошибочное их выражение в политико-правовом устройстве общества. По мысли Н. Н. Алексеева, возможные изломы в общественном развитии будут носить временный характер, не отменяющий основной вектор развития, но лишь затрудняющий переход к гарантийному государству. К таким отклонениям Н. Н. Алексеев относил устройство Советского государства. В своей работе «На путях к будущей России» мыслитель при отрицательном в целом отношении к советскому строю находит и положительные стороны. Революционные изменения в Русском государстве Н. Н. Алексеев понимает как стихийные поиски социальной правды [3, с. 293–298] Ошибкой представителей русского общества, по мнению учёного, являлись поиски совершенного государства, создающего совершенного человека. Однако при любой государственной организации совершенствование личности – результат усилий самого человека, а не государства. «Самая совершенная политическая форма превратится в общественную клоаку, – пишет Н. Н. Алексеев, – когда граждане будут сплошными ворами, казнокрадами и насильниками» [3, с. 300] Сущность государства определяется теми процессами, которые проистекают в обществе. Эти процессы по поиску правды разворачиваются в основном в области идеологии. По мнению Н. Н. Алексеева, происходящий в России кризис (а советское государственное устройство Алексеев понимал как кризис) возможно преодолеть только тогда,

когда общество осознает, что неудачи «русской правды» проистекают из ошибочных принципов, а не из несовершенства их реализации.

Однако возврат к старому государственному устройству будет возвратом к старой неправде. Поэтому, по Н. Н. Алексееву, необходим поиск новых политических теорий, отличных от идей западной политической культуры [3, с. 301]. Государство должно быть союзом мира и правды. Общественный мир предполагает исключение идеологий, основанных на принципах антагонизма социальных групп. По этой причине для Н. Н. Алексеева неприемлемы классовый подход марксистов и идеи солидаризма [3, с. 305–306]. Государство есть выражение мира как состояния общества, основанного на согласии всех социальных сил, а не отдельного класса или социальной группы. Такое общественное согласие достигается через распространение общественных ценностей, идеалов, принципов устройства общества. Их универсализм способствует искоренению социальных противоречий, закономерно приводя к возникновению государства справедливости.

Для достижения этих целей гарантийное государство, по мнению Н. Н. Алексеева, должно осуществлять следующие обязанности:

- 1) создание максимально развитых материальных основ общества и системы распределения благ для удовлетворения основных потребностей граждан;
- 2) способствование развитию духовной культуры общества;
- 3) создание культурных и духовных благ как возможностей выбора форм самосовершенствования личности;
- 4) создание высшей культуры как синтетической формы, объединяющей национальные традиции населения евразийского культурного мира;

5) вовлечение в экономическое, политическое, социальное и культурное строительство возможно большего количества членов общества [3, с. 375].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать следующее:

1. В рамках реалистической феноменологии феномен гарантийного государства конструируется индивидами intersubъективного мира, что предполагает обусловленность характеристик государственного и общественного устройства уровнем нравственно-духовного развития членов общества.

2. Нравственно-духовной основой гарантийного государства выступает правовая структура «ценности – субъект – правообязанности».

3. Сущностное отличие гарантийного государства от доктринального (правового) государства – ориентация на универсальную социальную ценность истины-правды.

4. Особенность природы ценности истины-правды в её независимости от воспринимающих субъектов, онтологически определяемая как нефеноменологическая реальность, рационально непосредственно непознаваемая.

5. Внешнее выражение (внешняя правда) признания ценности истины-правды на частном уровне выражается в осознании обязанностей (правообязанностей) индивидов перед государством и обществом.

6. Внешнее выражение (внешняя правда) признания ценности истины-правды на государственном уровне выражается в гарантиях развития личности на основе общественного признания внутренней правды (истины-правды), а также фактического идеологического многообразия культуры.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.
2. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. – М.: Московское научное издательство, 1919. – 210 с.
3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – 640 с.
4. Баган В. В. Николай Николаевич Алексеев и концепция «православного правового государства» // Нацразвитие. Наука и образование. – 2023. – № 1 (13). – С. 38–43. EDN: KWWYQLG
5. Баган В. В. Теория православного государства в философии права Николая Николаевича Алексеева // Богословско-исторический сборник. – 2023. – № 3 (30). – С. 26–44. EDN: UHODEU
6. Гусарова М. А. Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексеева // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 1 (143). – С. 97–101. EDN: XMDTWW
7. Гуссерль Э. Избранное. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.
8. Гильдебранд Д. Способы участия в ценностях // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 708–739.
9. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / ред. В. В. Соколов. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
10. Дугин А. Г. Теория евразийского государства // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 5–20.
11. Зиновьев А. А. Запад. – М.: Родина, 2023. – 416 с. EDN: QOJAWD
12. Козлихин И. Ю. Право и политика. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 192 с. EDN: VMDNBVJ
13. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – 575 с. EDN: UXPFSN
14. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2024. – 384 с.
15. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
16. Слинин Я. А. Феноменология интерсубъективности. – СПб.: Наука, 2004. – 356 с. EDN: QODEJX
17. Стомба А. В. Темпоральная онтология права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2017. – 355 с.
18. Трубецкой Н. С. Исход к Востоку // Пути Евразии. – М.: Русская книга, 1992. – С. 311–415.
19. Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.
20. Шенгеля И. Ш. Евразийская концепция государства Н. Н. Алексеева // По-темкинские чтения: сб. материалов III международной научной конференции. – Севастополь: СевГУ, 2018. – С. 332–337. EDN: XWDYYH

References

1. Alekseev, N. N. (1998) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg: Law Institute]. (In Russian).
2. Alekseev, N. N. (1919) *Oчерки po obschei teorii gosudarstva* [Essays on the general theory of the State]. Moscow: Scientific Publishing House. (In Russian).
3. Alekseev, N. N. (2000) *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraph. (In Russian).
4. Bagan, V. V. (2023) Nikolai Nikolaevich Alekseev i koncepciya «pravoslavnogo pravovogo gosudarstva» [Nikolai Nikolaevich Alekseev and the concept of the "Ortho-

dox rule of law"]. *Nacrazvitie. Nauka i obrazovanie – National development. Science and education*. No. 1 (13). Pp. 38–43. (In Russian).

5. Bagan, V. V. (2023) *Teoriya pravoslavnogo gosudarstva v filosofii prava Nikolaya Nikolaevicha Alekseeva* [The theory of the Orthodox state in the philosophy of law of Nikolai Nikolaevich Alekseev]. *Theological and historical collection*. No. 3 (30). Pp. 26–44. (In Russian).

6. Gusarova, M. A. (2020) *Problema integrativnogo podhoda k ponimaniyu prava i gosudarstva v filosofsko-pravovom tvorchestve N. N. Alekseeva* [The problem of an integrative approach to understanding law and the State in the philosophical and legal work of N. N. Alekseev]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. – Theory and practice of social development*. No. 1 (143). Pp. 97–101. (In Russian).

7. Gusserl', E. (2000) *Izbrannoe* [Selected]. Minsk: Harvest; Moscow AST. (In Russian).

8. Gil'debrand, D. (2006) *Sposoby uchastiya v cennostyakh* [Ways of participation in values]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. (In Russian). Pp. 708–739.

9. Hobbes, T. (1991) *Sochineniya v 2_h t. T. 2* [Essays in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Thought. (In Russian).

10. Dugin, A. G. (2000) *Teoriya evraziiskogo gosudarstva* [The theory of the Eurasian State]. Moscow: Agraf. (In Russian).

11. Zinoviev, A. A. (2023) *Zapad* [West]. Moscow: Homeland. (In Russian).

12. Kozlikhin, I. Yu. *Pravo i politika* [Law and politics]. St. Petersburg: St. Petersburg University. (In Russian).

13. Polyakov, A. V. (2014) *Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Communicative legal understanding. Selected works]. St. Petersburg: Aleph-Press. Pp. 234–246. (In Russian). EDN: UXPFNS

14. Popper, K. (2024) *Obektivnoe znanie. Evolyucionnii podhod* [Objective knowledge. The evolutionary approach]. Moscow: URSS: LENAND. (In Russian).

15. Savitsky, P. N. (1997) *Kontinent Evraziya* [The continent of Eurasia]. Moscow: Agraf. (In Russian).

16. Slinin, Ya. A. (2004) *Fenomenologiya intersubektivnosti* [The phenomenology of intersubjectivity]. St. Petersburg: Science. (In Russian).

17. Stovba, A. V. (2017) *Temporal'naya ontologiya prava* [Temporal ontology of law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).

18. Trubetskoy, N. S. (1992) *Ishod k Vostoku* [The Exodus to the East]. *Puti Evrazii* [The Ways of Eurasia]. Moscow: The Russian Book. (In Russian).

19. Florovsky, G. V. (1998) *Iz proshlogo russkoi misli* [From the past of Russian thought]. Moscow: Agraf. (In Russian).

20. Shengelaya, I. S. (2018) *Evraziiskaya koncepciya gosudarstva N. N. Alekseeva* [N. N. Alekseev's Eurasian Concept of the State]. *Potemkinskie chteniya* [Potemkin readings]. Collection of materials of the III International Scientific conference. Pp. 332–337. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

*Поступила в редакцию: 03.04.2025
Принята к публикации: 15.05.2025
Опубликована: 30.06.2025*

*Received: 03 April 2025
Accepted: 15 May 2025
Published: 30 June 2025*